

вится более предпочтительной для родителей, желающих наречь новорожденных оригинальными, по их мнению, именами.

Устойчивой аксиологической доминантой в номинативной сфере является также *семья*. Именование в честь старших родственников (дедушек, бабушек, прадедов, реже – отцов и матерей) – приоритетный мотив в приграничье. **8%** анкетированных из белорусско-литовско-латышского приграничного ареала и **13%** жителей белорусско-российского приграничья руководствовались данным мотивом при выборе личных имен своим детям. Интерес номинаторов к личным именам старшего поколения может быть рассмотрен как стремление сохранить семейные традиции и связи между поколениями.

Таким образом, анализ мотивов выбора личных имен жителями приграничных населенных пунктов Витебской области в начале третьего тысячелетия позволил констатировать противоречивый характер формирующейся системы аксиологических ориентиров и ее нестабильность. С одной стороны, в условиях новых социально-экономических реалий начала XXI в. номинативные приоритеты жителей приграничья подвержены социальной массовизации. С другой стороны, для представителей периферийной зоны особую роль продолжает играть традиция, частным случаем проявления которой является учет номинативного опыта старшего поколения и наречение в честь родственников. Заметное усиление конфессиональных приоритетов свидетельствует о важности еще одной аксиологической доминанты – религии, которая, вполне вероятно, будет способствовать усилению нравственной составляющей духовности нации.

Литература

1. Слемнев, М.А. Белорусско-российское приграничье как объект комплексного научного исследования / М.А. Слемнев // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации : материалы междунар. научн.-практич. конф., Витебск, 27 мая 2011 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Солодков [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им.П.М. Машерова», 2011. – С. 97–99.
2. Комарова, И.К. Социальные доминанты в условиях глобализации / И.К. Комарова // Народы, культуры и социальные процессы на пограничье : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 22–23 февраля 2010 г. / редкол.: Е.М. Бабосов (отв.ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 94–97.
3. Галковская, Ю.М. Национальные номинативные приоритеты жителей приграничья / Ю.М. Галковская // Слова ў мове, маўленні, тэксце: зб. навук. арт. / Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна / пад агульнай рэд. Н.Р. Якубук; рэдкал.: В.Б. Пераход [і інш.]. – Брэст: БрДУ, 2012. – С. 32–34.

В.М. Генкин (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

ЭТНИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ОЙКОНИМИИ И КАТОЙКОНИМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА ВИТЕБЩИНЫ

Цель нашего исследования – проследить, как в ойконимии и катойконимии отражаются национальные и иные дифференциальные признаки проживающего на определенной территории населения. Лингвокультурологический подход, актуальный для современной ономастики, направлен, в том числе, на изучение универсалий, одной из которых является достаточно широко представленная в топонимии оппозиция *свой – чужой*.

В качестве объекта выступает топонимическая система северо-запада Витебщины. Для удобства сбора и статической обработки материала топонимы и оттопонимные дериваты брались в пределах 7-и административных районов Витебской области: Браславского (далее – Бр.), Верхнедвинского (Верх.), Глубокского (Гл.), Докшицкого (Док.), Мёрского (Мёр.), Поставского (Пост.), Шарковщинского (Шарк.). Выбор региона, разумеется, не является случайным: данная территория создала благодатную почву для подобных наблюдений, так как в силу ряда историко-политических причин и своего географического положения стала местом компактного проживания людей разных национальностей и религиозных взглядов. Основу населения повсеместно составляют

этнические белорусы, вторую и третью позиции занимают соответственно поляки и русские либо русские и поляки. Так, например, в Браславском районе количество белорусов от общего числа населения составляет 64,59 %, поляков – 18,66 %, русских – 14,26 %; Глубокском: белорусов – 84,51 %, поляков – 10,25 %, русских – 3,2 %; Поставском: белорусов – 85,81 %, русских – 8,99 %, поляков – 2,73 %. Кроме того, близость к территориям Литвы и Латвии способствовала расселению представителей этих народов на территории региона, а также активному проникновению литовских и латышских языковых элементов в его топонимию. Абсолютное большинство жителей причисляет себя к одной из двух христианских конфессий: католицизму или православия, причем, в отличие от остальной части Витебщины, католицизм в большинстве этих районов превалирует над православием по числу верующих.

Следует отметить и еще один важный исторический фактор, повлиявший на формирование топонимии и внутри нее на активизацию интересующей нас семантической оппозиции: регион в разные периоды являлся составной частью таких государств, как Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская империя, Советский Союз, причем в состав Советского Союза эти районы вошли позже других (в основном, в 1940 году). Естественно, каждый исторический период оставил свой след в языке, культуре и топонимии, которая как раз и является их важной составной частью. Например, отличительной диалектной чертой северо-запада Витебщины является значительное число фонетических, лексических и грамматических полонизмов.

Ономасты, изучавшие восточнославянскую ойконимию, неоднократно отмечали наличие в ней системных отношений, причем часто системность поддерживается как раз благодаря оппозиционным моделям именования объектов: *большой – малый, старый – новый, близкий – далёкий, верхний – нижний* и т.д. В этом ряду оппозиция *свой – чужой* является наиболее информативной в лингвокультурологическом аспекте. Анализ топонимического материала позволяет утверждать: дифференциация по принципу *свой – чужой* может проявляться как на эксплицитном, так и на имплицитном уровне. Эксплицитным, достаточно очевидным и ярким примером рассматриваемой оппозиции служат этнотопонимы, возникновение которых, по наблюдениям лингвистов, изучавших эту группу названий, возможно при следующих условиях: «оседлый образ жизни определенного населения, выраженное этническое самосознание, соседство и контакты с населением иной этнической принадлежности, наличие черт, выделяющих данную группу населения из окружающего этнического большинства и проявляющихся в особенностях одежды, языка, духовной культуры, вероисповедания» [1, с.7]. В случае несоблюдения данных условий мы, скорее всего, будем иметь дело с искусственным названием, примером чему может служить ойконим *Беларуская* (Мёр.), возникший как результат переименования населенного пункта *Мацюкі* и явно выбивающийся из топонимической системы региона.

Большинство же отэтнических названий населенных пунктов региона сформировалось естественным путем и содержит информацию о реально существующих или ранее существовавших этносах: *Відзы, Відзішкі, Відзы-Лаўчынскія* (Бр.); *Латышы* (Гл., Мёр., Шарк.), *Латышкі* (Бр.); *Літоўшчына* (Бр.); *Маскавічы* (Бр.); *Маскалёнкі* (Верх.); *Рускае Сяло* (Мёр.), *Завулак Рускі* (Гл.), *Татары* (Мёр.); *Прусы* (Пост.); *Швяды* (Бр.) и др. Собирая материал в полевых условиях, мы неоднократно имели возможность убедиться в том, что исчезновение этноса, давшего название населенному пункту, постепенно приводит к ситуации, когда ойконим переосмысливается жителями и обретает, как правило, народную этимологию. В Браславском районе бытуют топонимические легенды, связанные с названиями поселка *Відзы* и деревень *Відзішкі, Відзы-Лаўчынскія*. Сюжеты этих историй основываются на созвучии ойконимов с корнем глагола *видеть*

и повествуют о прозревших. Научный подход увязывает названия с этнонимом *видзы*, которым обозначали жителей исторической области северной Латвии – *Видземе*.

Не слишком активно в регионе представлены названия, указывающие на выходцев из Польши: *Ляхаўшчына* (Пост.), *Мазурка* (Пост.), *Мазурова* (Гл.), *Мазурына* (Бр., Верх., Мёр.). При этом нужно отметить, что северо-западные районы Витебской области являются местом концентрации этнотопонимов, отражающих названия русского населения: *Русакі* (1 населенный пункт в Глубокском районе и 2 в Поставском), *Русіны* (Пост.), *Рускае Сяло* (Мёр.), *Русачкі* (Мёр.) *Маскавічы* (Бр.), *Маскалёнкі* (Верх.), *Маскалішкі* (Пост.) и др. В восточных районах, расположенных ближе к России или непосредственного граничащих с ней, подобного рода ойконимы редки. Очевидно, именно на исследуемой территории более актуально выделение русских по этническому и, подчеркнем особо, конфессиональному принципам. Как уже отмечали исследователи, название *русские* часто дифференцирует православное население [2, с. 153], что весьма заметно в католическом окружении.

Разница между православными и католическими поселениями региона иногда прослеживается в характере антропонимных основ ойконимов, но в большинстве случаев установить различия невозможно, в первую очередь из-за того, что православный и католический именники имеют больше сходств, чем различий. Только небольшая часть имен относится к числу конфессионально маркированных. Так, католические имена послужили основами для образования ойконимов *Альбінаўшчына*, *Альбінаўка* (Бр.) – от *Альбин*; *Альбрэхтава* (Рос.) – от *Альбрехт*; *Барбарышкі* (Бр.), *Барбарына* (Мёр.) – от *Барбара*, *Вацлавава* (Уш.) – от *Вацлав*, *Германавічы* (Шарк.), *Віціэнтава* (Шарк.) – от *Винцент*; *Германаўшчына* (Бр., Гл.) – от *Герман*; *Казімерцы* (Пост.), *Казімірова* (Бр.) – от *Казимир*; *Марцінаўцы* (Бр.), *Марцінелевічы* (Пост.) – от *Мартин*, *Мар'янолле* (Бр., Пост., Шарк.) – от *Марьян* или *Марьяна* и т.д.

Учитывая, что имена *Абрам* (*Авраам*, *Авраамий*, *Абрамий*), *Гавриил* (*Гаврил*, *Гавриила*) зафиксированы только в православных святцах, можно говорить о том, что ойконимы *Абрамова* (Верх.), *Гаўрылаўцы* (Бр.), *Гаўрыліна* (Верх.) опосредованно связаны с православием. Некоторые имена представлены в обоих именниках, но у католиков и православных имеют разные фонетические или орфографические варианты. Различаются православное *Фома* (*Хома*) и католическое *Томаш*, что позволяет увидеть подобные расхождения и в ойконимии: *Хаміно* (Шарк.), *Хамічы* (Мёр), *Хомкаўшчына* (Бр.) – *Тумаши* (Гл.; сейчас не существует). Католическому имени *Юзэф* в православии соответствует имя *Осип*. Показательно, что в ойконимии региона зафиксировалось только католическое имя – *Юзафова* (Гл., Верх., Шарк.).

Попытка определить дифференциальные признаки населения на уровне топонимических формантов реальных результатов не принесла. С одной стороны, ойконимия региона богата названия с формантами литовского и латышского происхождения (*-ішкі*, *-аны*, *-яны*, *-уны*, *-ейкі*, *-ейшы*, *-елі*, *-ойці*, *-улі*, *-укі*, *-іні* и др.). С другой стороны, ойконимы, оформленные этими аффиксами, выступают в качестве названий поселений с разным национальным и конфессиональным составом, присоединяются к различным основам. Проиллюстрируем валентность топонимического суффикса *-ішкі* примерами названий населенных пунктов Браславского района: *Балундзішкі*, *Бержанішкі*, *Бікішкі*, *Бялюнішкі*, *Васількішкі*, *Гадуцішкі*, *Гробішкі*, *Груштэлішкі*, *Жалабішкі*, *Жвірблішкі*, *Кардэлішкі*, *Кецішкі*, *Кузьмішкі*, *Леванішкі*, *Любішкі*, *Снегішкі*, *Стунжышкі* и др.

Дифференциальные признаки выявляются не только на уровне ойконимии, но и в системе оттопонимных производных. Как известно, на одной ступени деривации от ойконимов образуются две группы лексем: адъектонимы и катойконимы. Отметим, что для региона использование существительных-катойконимов для именования жителей по местности малохарактерно, гораздо чаще катойконимическую функцию выполняют

семантизированные топонимные прилагательные. В регионе, в первую очередь на Браславщине, нами зафиксирована уникальная словообразовательная особенность: от названий с формантами *-ішкі* часто образуются и используются в речи местных жителей два прилагательных, одно из которых имеет типичный для восточнославянской топонимии суффикс *-ск-* (*Астравішкі – астравішскі, Бартэлішкі – бартэлішскі, Растанішкі – растанішскі* и т.п.), второе образовано при помощи суффикса *-ов-* (*астравішковы, бартэлішковы, растанішковы* и т.д.). Адъектонимы первой группы, как правило, выполняют свою основную функцию относительных прилагательных, в то время как производные с суффиксом *-ов-* субстантивируются и используются в качестве катойконимов. Показателен тот факт, что население деревень и хуторов, которое именуется по модели *астравішковы(-ыя), бартэлішковы(-ыя), растанішковы(-ыя)* и т.д., является католическим и, как правило, польским. Вероятно, названия с суффиксом *-ов-* первоначально появились в польскоязычной среде, где данный формант является обычным, а уже затем распространились в речи остального населения. Правда, формант *-ов-* в отличие от других топонимических элементов, не расширил сферы своего использования.

Літаратура

1. Рогалев, А.Ф. Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории) / А.Ф. Рогалев. – Гомель, 1993. –168 с.
2. Гринблат, М.Я. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории / М.Я. Гринблат. – Минск, 1968.

Т.А. Грачыха (Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава)

ДЫАЛЕКТНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ЛЕКСІКІ МЁРСКАГА РАЁНА ВІЦЕБСКОЙ ВОБЛАСЦІ

Збор, фіксацыя і даследаванне лексічнага дыялектнага матэрыялу розных рэгіёнаў мае вялікае навуковае і практычнае значэнне як у лінгвістыцы, так у гісторыі і культуры народа, паколькі абласныя словы ўзбагачаюць літаратурную мову, выяўляюць міжмоўныя і міждыялектныя паралелі. Намі прааналізавана лексіка, зафіксаваная ў “Рэгіянальным слоўніку Віцебшчыны”[1], а таксама ў час выязных дыялекталагічных практык у населеных пунктах Язна, Цвечіна, Туркова, Гараўцы, Іванькі, Дрыгучы, Цімошкава, Вянужа, Старыя Крукі, Новыя Крукі, Новы Пагост Мёрскага раёна Віцебскай вобласці. Тэрыторыя, на якой знаходзяцца ўказаныя вёскі, уваходзіць у склад заходняй (полацкай) групы беларускіх гаворак.

Адметнымі ў народнай мове дадзеных населеных пунктаў з’яўляюцца мясцовыя словы розных прадметна-тэматычных груп, якія прадстаўляюць лексічныя супрацьстаўленія адрозненні ў адносінах да літаратурных адпаведнікаў: фанетычныя, словаўтваральныя, уласналексічныя, семантычныя. Гэта лексемы-назоўнікі, якія абазначаюць назвы жывёльнага свету: *авульчка* ж. ‘авечка’, *паца* м. ‘пацук’, *кіргá* ж. ‘чайка’, *асва* ж. ‘аса’; найменні расліннага свету: *аржавіны* мн. ‘ажыны’, *бару́вка* ж. ‘брусніцы’, *п’яніцы* ‘ягады буякі’, *вєрабі́на* ж. ‘рабіна’, *земнякі* мн. ‘бульба’, *не́радзь* ж. ‘дробныя ягады’; побытавыя найменні: *сто́лак* м. ‘зэдлік’, *галéнь* м. ‘венік без лісця, дзяркач’, *ашэ́стак* м. ‘дошчачка пад столлю для рэчаў’, *ста́вы* мн. ‘кросны’, *ро́вар* м. ‘веласіпед’, *днішкó* н. і *дэ́нца* н. ‘драўляная дошчачка для наразання прадуктаў харчавання’, *суды́* мн. ‘вёдры з вадой на каромысле’; назвы страў: *калату́ха* ж. ‘брудная вада’, *драчо́на* ж. ‘дранік’, *камы́* мн. ‘клёцкі’, *дурма́нка* ж. ‘гарэлка’, *капу́снік* м. ‘боршч’, *млiны́* мн. ‘бліны’, *лапуны́* мн. ‘мучныя бліны на содзе’, *ліпец* м. ‘ліпавы мёд’, *медзьвядзі́* мн. ‘дранікі з мясам ці фаршам’, *халадзéнка* ж. ‘халодная вада’, назвы пабудоў: *жардзья́нік* м. ‘плот з жардзін’, *драва́рка* ж. ‘дрывотнік, павець для дроў’, назвы